

13. *Сидорова, О. Г.* Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.03 / О. Г. Сидорова. – М., 2005. – 333 л.
14. *Джумайло, О. А.* Английский исповедально-философский роман 1980–2000 гг. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.03 / О. А. Джумайло ; ЮФУ. – Ростов на/Д., 2014. – 40 с.
15. *Каличкина, А. В.* Взаимодействие постмодернистских и постколониальных мотивов в творчестве С. Рушди : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / А. В. Каличкина ; МГЛУ. – Минск, 2003. – 20 с.
16. *Минина, В. Г.* Романы Кадзуо Исигуро: проблематика и жанрово-стилевая специфика : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / В. Г. Минина ; БГУ. – Минск, 2013. – 26 с.
17. *Said, E. W.* Orientalism / E. W. Said. – N. Y. : Vintage Books, 1979. – 368 p.
18. *Said, E. W.* Culture and Imperialism / E. W. Said. – N. Y. : Vintage Books, 1979. – 380 p.

The article describes the phenomenon of postcolonial literature as a local manifestation of the multicultural literature peculiar to Great Britain. The problematic issues addressed in the article include the problem of definition among the scholars (both foreign and national) and the spectrum of subjects highlighted in the novels by postcolonial authors.

Поступила в редакцию 02.10.18

В. В. Рахнянский

ЭТНОРАСОВЫЙ КОМПОНЕНТ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧИКАНО (на материале автобиографической трилогии Ричарда Родригеса)

Данная статья посвящена исследованию расово-этнических стереотипов и специфики их художественного выражения в автобиографической прозе современного мексикано-американского писателя Ричарда Родригеса. Пересматривая конвенционные представления о категории расы, литератор присоединяется к группе современных ученых, которые находятся на позициях отрицания трактовки расы как биологической детерминанты культурного поведения индивида.

Даже в XXI веке проблема взаимосвязи категорий «раса» и «идентичность» остается актуальной, вызывая интерес у широкого круга ученых и политиков. Указанные явления привлекают пристальное внимание современных исследователей в перспективе изменений их трактовки во временном разрезе и соотносённости с философскими, культурологическими и политическими парадигмами конкретного исторического периода.

Переосмысление расового фактора в идентичности представителя этнокультурной группы стало одной из основных задач литераторов США периода «этнического возрождения» (60–70-е гг. XX в.). В частности, дальнейшему расовому взаимопониманию и изменению стереотипов в отношении этой категории в то время способствовала художественная и общественная деятельность мексикано-американских писателей, поэтов и драма-

тургов, которые активно внедряли авторские концепты, экспериментировали в области поэтики и проблематики художественного слова, углубляя и расширяя горизонты видения многообразной, трансформативной и вариативной расовой идентичности.

Осмысление изменения расовых доминант в общественном сознании США начала третьего тысячелетия стало центральным вопросом романов Р. Родригеса «Голод памяти» (1982), «Времена долга» (1992), «Коричневый» (2002). В предисловии к последнему из указанных произведений писатель отметил, что пытался очертить ряд вопросов расы таким образом, чтобы «подорвать доверие к ней среди американцев» [1, р. XI]. Пересматривая традиционные представления о категории расы, Родригес присоединяется к большой группе современных антропологов, культурологов, историографов и социологов, которые находятся на позициях отрицания представления о расе как биологической детерминанте культурного поведения индивида. Например, Даниэла Джозеффи отмечает: «На рубеже веков ученые отказываются от бесполезной классификации человеческого рода на монголоидную, негроидную и другие расы... Слово *раса* должно употребляться только для обозначения расы людей... Мы все постоянно гибридизируемся, и это происходит с первых дней жизни человека на земле» [2, р. 12]. Ученые также не поддерживают устойчивую бинарную оппозицию «белое – черное», которая до сих пор продолжает существовать в американском мировосприятии и миропонимании. По словам О. Смедли, такая перспектива расового мировоззрения «крепко закрепились в обществе из-за работы средств массовой информации, практики повседневной жизни, политической агитации и функционирования социальных институтов» [3, р. 333].

Наряду с вышеуказанными научными соображениями существует и другой кластер взглядов на категорию расы, который подытоживает Н. А. Высоцкая: «...значимость этого конструкта в жизни многих поколений, в частности в США, не вызывает сомнения» [4, с. 48]. Такой вывод украинской исследовательницы является созвучным мнению Родригеса о глубоком влиянии классических расовых представлений на развитие американского общества: «Без расы мы не имели бы музыки, кинематографа, тюрем, политики и политиков, истории, библиотек, университетов, частных бесед и еще много чего другого» [1, р. XIV].

Итак, обсуждение специфики этнорасовой составляющей в конституировании собственной идентичности и идентичности американской этнокультурной личности становится сквозным в литературной и общественной жизни Р. Родригеса. По мнению М. В. Глостановой, в «Голоде памяти» автор не без самоиронии подчеркивает «условность расовых делений, их внутреннюю связь с социальным статусом» [5, с. 248]. Выражая мнение многих современных исследователей литературы чикано, Артуро Мадрид отмечает, что комплекс «коричневого», то есть цвета кожи, который отличает Родригеса от американцев англо-саксонского происхождения, становится параноидальным мотивом творчества писателя, вспомнить хотя бы факт названия его третьего романа «Коричневый: последнее открытие Америки» [6, р. 113].

Родригес подчеркивает факт существования расовой сегрегации в Америке 1950-х гг. на примере одного школьного воспоминания. Его товарищ как-то продекламировал скороговоркой стишок: «*If you're white, you're all right. If you're brown, stick around. If you're black, stand back*» [1, p. 4]. По наблюдению Ч. Тейлора, «идентичность может быть сформирована или искажена во время контакта со значимыми другими» [4, с. 46]. Обсуждая проблему столкновений личности в юном возрасте с подобными ситуациями, Н. А. Высоцкая дает следующий комментарий: «если из нее (ребенка) вырастает художник, она способна, по крайней мере, дистанцироваться от этого опыта через его художественное воплощение и тем самым объективизировать и, хотелось бы надеяться, хотя бы частично преодолеть его. Для тысяч других, лишенных доступа к такой “терапии”, травма может оказаться пожизненной» [4, с. 46].

После выхода в свет «Голода памяти» критик Т. Ривера указывал на признаки «колонизированного сознания» (“*colonized mind*”) у автобиографического героя Родригеса из-за его заимствования цвета кожи и постоянные саморефлексии относительно восприятия в обществе [6, p. 113]. В своем эссе «Автобиографический манифест» британская исследовательница Сидони Смит пытается найти ответ на вопрос о том, каким образом субъект лишается колонизированного состояния. Она подчеркивает, что идентичности не являются тождественно концептуализированными. Идентичности маргинализированных и мейнстримовских субъектов имеют разные позиции в обществе. Они консолидируются, занимают позиции в центре или на маргинесах общества из-за определенных вариантов культурного опыта, «регулируют эпистемологические, онтологические и герменевтические инструментариумы автобиографических нарративов» [Там же]. Хотя исследовательница и не определяет четко заявленный ею «культурный опыт», который состоит из таких процессов, как аккультурация, приобретение языковых навыков и др., играющих важную роль в становлении самости индивида. Среди них можно выделить и опыт Родригеса в преодолении комплекса неполноценности.

Т. Ривера вспоминает резонансную для своего времени (первая половина XX в.) работу Самуэля Рамоса «Профиль человека», в которой впервые подробно был рассмотрен комплекс неполноценности мексиканца в США, и приводит следующую мысль из этого исследования о том, что: «проблема заключается не в том, что мексиканца в Соединённых Штатах считают неполноценным субъектом, наоборот, он сам воспринимает себя таким» [6, p. 73]. Другой исследователь творчества Р. Родригеса, Пол Гуахардо, отнюдь не соглашается со словами коллеги, считая, что вся художественная практика этнокультурных писателей США демонстрирует противоположное и убедительно доказывает, что самотождественность маргинализированного индивида распознается, признается, формируется в диалоге с Другим, а, следовательно, проблема «барьера цвета кожи» такова, что уже долгое время активно обсуждается в мультикультурных произведениях американских писателей [6, p. 73].

П. Гуахардо в контексте обсуждения комплекса «коричневого» в творчестве Родригеса приводит пример заниженной самооценки мексикано-американцев в 2000-х гг., внутреннего и внешнего отрицания образа мексиканца: среди многих теле- и кинозвезд, выходцев из Мексики, чрезвычайно популярны окрашивания волос в белый цвет, цветные контактные линзы, пластическая хирургия, солярии и т.п. Исследователь язвительно замечает, что «отбеливая свои корни, эти публичные личности таким образом отрицают их, и, конечно, это служит большим отрицательным образцом для подражания» [6, р. 73].

Если все литературные критики замечают неприятие молодым Родригесом «культурной самобытности родителей» в нарративе «Голода памяти», то большинство из них выделяют этот вопрос во втором романе – «Времена долга». Родригес уверенно говорит о наблюдении двух вещей, которые противоречат друг другу, – признание Мексикой своей метисной природы и, одновременно, факт важности цвета кожи для детей из мексиканских семей [7, р. 72]. По этому поводу Т. Ривера в вышеупомянутом критическом очерке констатирует: «Появление светлогокожего ребенка в мексиканской семье общество воспринимает как шаг вперед, темнокожего – как шаг назад во времени» [6, р. 73]. В романе «Времена долга» Родригес пишет: «Мексиканские матери хотели родить светлогокожих детей. Они любили говорить: “Прикоснись к белокурым волосам – и тебе повезет в жизни”» [7, р. 14].

Родители Ричарда «надсмеивались над теми “белыми” мексикано-американцами, кто выдавал себя за испанцев» [8, р. 115]. Но мы узнаем от автора о том, что им приятно было найти «испанское» во внешности чикано. В телевизионном интервью конца 1990-х Родригес проектирует в воображении такую ситуацию: «Если бы американцы пришли в их дом во время приготовления обеда, мать поспешила бы на кухню, накрыла бы всю пищу, чтобы те не увидели, что они питаются иначе, чем англо-американцы» [6, р. 88]. Далее он отмечает, что в течение этих сорока лет все в корне изменилось: американцы с удовольствием посещают рестораны мексиканской кухни [6, р. 88]. Итак, этот эпизод несет для мексикано-американских детей в вопросе выбора их этнической идентичности следующий мессидж: «скрывайте различия».

Концептуальным для исследования вопроса цвета кожи является эссе писателя с говорящим названием «Цвет лица» из первого романа автобиографической трилогии. В нем главный герой откровенно признается: «Ничто не беспокоило меня в собственной внешности так, как темный индейский цвет кожи» [8, р. 125]. Он сам у себя спрашивает: «Превратится ли это чудовище в человека?». Авторские болезненные разрывы со своей этнической идентичностью в большей мере связаны с темным пигментом кожи. Исследователи творчества Родригеса фокусируют внимание на антиномиях его борьбы за право «быть, как все американцы» и ассимилятивных попытках становления идентичности в молодые годы.

По нашему мнению, писатель следовал родительской модели самовосприятия. Мать прививала сыну понимание важности внешнего вида как одного из главных факторов успешности в американском обществе. Она так далеко зашла в своих действиях, что даже смазывала Ричарду лицо в детстве лимонным соком, с надеждой, что оно посветлеет [8, р. 128].

Когда однажды летом тот был занят физической работой во дворе, мать настойчиво советовала ему надевать шляпу и работать после обеда, когда эффект от солнечных лучей меньше. Мать писателя усугубляла его гипертрофированные переживания по поводу цвета кожи. Он в течение долгого времени не получал в полной мере удовольствия от пребывания на свежем воздухе и занятий спортом [8, р. 134].

Ричард завидовал старшему брату, у которого «кожа загорала на солнце до красно-горячего и шелушилась, как кожа “гринго”» [8, р. 115]. В старших классах школы родственник встречался с девушками, которые казались будущему писателю очень привлекательными, так как были блондинками [8, р. 114–115]. Одна из ричардовых сестер, как и он, была темнокожей и воспринимала это как тяжелое жизненное бремя, страдала от того, что ее называли «негритянкой». Эти страхи и психологическое напряжение прошли позже, когда она родила светлокожих детей [8, р. 115–116].

Цвет кожи становится причиной неуверенности автора и в отношениях с противоположным полом. Он делится юношескими чувствами так: «Я чувствовал, что темная кожа сделала меня непривлекательным в глазах женщин» [8, р. 125]. Нам становится известно, что Родригес имел определенные проблемы с социализацией ко времени поступления в Стэнфордский университет, когда он имел сексуальные отношения с противоположным полом, но и тогда писатель никогда не верил в то, что женщины находят его физически привлекательным, продолжал прятаться от солнца, и «не смотрел пристально в зеркало» [8, р. 130].

Во «Временах долга» художник поделился своим наблюдением: «Когда расизм риторически заменил бедность как основную форму социального угнетения, американцы сразу же начали искать нового социального “врага”» [7, с. 149].

Желание избавиться от внешнего признака, по которому он отличался от «нормального» американца, достигает своей кульминации в одном из сильнейших в названном эссе эпизоде, когда Ричард, в возрасте двенадцати лет, сделал отчаянную попытку осветлить кожу, побрив ее острым лезвием бритвы. Но, как он пишет, «темная кровь не вышла, осталась глубоко в клетках кожи» [8, р. 124–125]. Эту навязчивую фантазию можно объяснить выводом Уолтера Бенна Майклза, который приводит Н. А. Высоцкая: «В той же мере, в какой семья становится местом сосредоточения национальной идентичности, национальность превращается в функцию расовой идентичности» [4, р. 46]. Связь между родственными отношениями и (ре)конструированием самости – сложная и неразрывная. Мексикано-американская семья не способна предложить несколько определенных вариантов идентичности, наоборот, ее нужно составлять из отдельных фрагментов.

Итак, в случае юного Родригеса формирование его этнорасовой идентичности зависело от выбора семьей ассимилятивной стратегии аккультурации. Она определялась конфликтом, связанным с падением традиционных мексиканских патриархальных авторитетов и, как следствие, отведением матери главной роли в построении системы ценностей, на которой базируется модель идентичности ребенка, подростка. Вместе с изменением подвижного образа семьи чикано меняется и этнорасовой компонент идентичности чикано. Указанная этнорасовая составляющая идентичности Р. Родригеса основывается, если говорить словами Д. Голинджера, на добровольном присоединении к многорасовому обществу Америки, а не его испано-индейскому наследию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Rodriguez, R. Brown: The Last Discovery of America* / R. Rodriguez. – N. Y. : Viking Adult, 2002. – 232 p.
2. *Gioseffi, D. On Prejudice: A Global Perspective* / D. Gioseffi. – N. Y. : Anchor Books, 1993. – 718 p.
3. *Smedley, A. Race in North America: Origin and Evolution of a Worldview* / A. Smedley. – Boulder, Colo : Westview, 1993. – 400 p.
4. *Висоцька, Н. О. Єдність множинного. Американська література кінця ХХ – початку ХХІ століть у контексті культурного плюралізму* / Н. О. Висоцька. – Київ : Вид. центр КНЛУ, 2010. – 456 с.
5. *Тлостанова, М. Проблема мультикультуралізму і література США кінця ХХ століття* / М. Тлостанова. – М. : ИМЛИ РАН: «Наследие», 2000. – 399 с.
6. *Guajardo, P. Chicano Controversy: Oscar Acosta and Richard Rodriguez* / P. Guajardo. – N. Y. : Penguin Group, 2002. – 133 p.
7. *Rodriguez, R. Days of Obligation: An Argument with My Mexican Father* / R. Rodriguez. – N. Y. : Penguin Group, 1992. – 230 p.
8. *Rodriguez, R. Hunger for Memory: The Education of Richard Rodriguez* / R. Rodriguez. – N. Y. : The Dial Press, 2005. – 212 p.

The paper sets out to explore racial and ethnic stereotypes and specifics of the artistic devices of Richard Rodriguez's autobiographical trilogy. Like some contemporary scientists the writer rejects the idea that a person's cultural behaviour is predetermined by his/her race.

Поступила в редакцию 28.09.2018

Тахирзаде Гюнай Эльгиз кызы

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ СКАЗОК (на основе сказки «Меликмамед»)

В статье ставится задача рассмотреть специфику перевода азербайджанских сказок, которые являются одним из жанров литературы, на основе сказки «Меликмамед». Автор рассматривает характерные особенности азербайджанской устной народной литературы,